

ПСИХОЛОГИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНИМАНИЯ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ СХЕМАХ И МОДЕЛЯХ

Н.К. РАДИНА, А.В. ПОРШНЕВ

Радина Надежда Константиновна — профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ — Нижний Новгород, доктор политических наук, кандидат психологических наук.

Контакты: rasv@yandex.ru, nradina@hse.ru

Поршнев Александр Валерьевич — доцент кафедры общего и стратегического менеджмента НИУ ВШЭ — Нижний Новгород, кандидат психологических наук.

Контакты: aporshnev@hse.ru

Резюме

В статье обсуждается обращение к герменевтике и герменевтическому анализу в российской социогуманитаристике и в частности в психологии. Описаны некоторые закономерности понимания текстов на основе интеграции качественного подхода, представленного герменевтическим анализом, и количественного, представленного методами математической обработки категориальных данных. При анализе результатов эмпирического исследования было использовано определение понимания как «набрасывания смыслов» (М. Хайдеггер), а также определение понимания как структуры коммуникации, задающей интересубъективную значимость познания (Ю. Хабермас). Художественный поэтический, художественный прозаический и научный исторический тексты о Бородинском сражении группой респондентов-читателей были сегментированы и категоризованы на основе индивидуального понимания. Далее группа экспертов классифицировала категории из текста. По результатам классификации тексты были перекодированы, для каждого текста реконструировалась категориальная матрица его интерпретации. В ходе количественного анализа для анализа согласованности

Работа первого автора статьи поддержана индивидуальным грантом Научного фонда НИУ ВШЭ, проект №12-01-0203 (2013–2014).

был использован К-критерий, основанный на каппа-статистике. Для поиска последовательностей интерпретаций применялись ассоциативные правила. Герменевтический анализ интерпретации текстов с опорой на математические методы показал, что понимание текста личностью относительно уникально, степень согласованности понимания «культурных текстов» зависит не столько от обучения («образованности»), сколько от опыта коммуникации. На основе проведенного анализа интерпретаций с применением математического аппарата было выявлено, что поэтический текст прочитывается читателями более согласованно, а научный – более логичен в последовательности его интерпретаций. Был также идентифицирован и описан феномен поглощения исторических событий «личной историей» героя в том случае, если речь идет о понимании исторической художественной прозы.

Авторы считают, что комплексный герменевтический анализ, представленный в русле интеграции качественных и количественных методов, может быть востребован в современной психологии для изучения персональной идентичности, ценностей, переживаний и т.д.

Ключевые слова: герменевтика, герменевтический анализ, интерпретация, каппа-статистика, ассоциативные правила.

В настоящее время в науке происходит необычное движение «гуманитарного знания». С одной стороны, представители естественных наук признают роль истории и культуры в осмыслении «объективного мира», а также в построении научных теорий, объясняющих природную реальность («гуманитарное знание» перемещается в «естественнонаучное поле») (Heelan, 1998; Хабермас, 2003, 2007; и др.). В то же время в социальных науках, например, в российской психологии, для изучения «жизненных миров», смыслов и других «гуманитарных феноменов» создается стандартизированный количественный психодиагностический инструмент, поддерживающий привычные схемы «естественнонаучного знания» («гуманитарное знание» отстает перед потребностями исследователей «измерить экзистенциальное») (Леонтьев, 2010).

При этом в тени остаются вопросы релевантности теоретических и методологических оснований, в русле которых формулируются экзистенциальные проблемы, изучаемые

психологами (чаще всего из феноменологической или экзистенциальной перспективы), и жестких позитивистских процедур психодиагностики, реализованной в опросниках и тестах, претендующих на изучение «миров и смыслов» личности.

Выход из данного положения мы видим в более активном освоении российскими психологами качественных методов (Радина, 2009; Радина, Павлычева, 2010), в детальной проработке процедур и методик, которые создавались бы в русле качественного подхода (Carlson, Hadjikhani, 1992; Sodre, 2004; Улановский, 2006, 2009; и др.). Мы полагаем, интеграция качественного и количественного подходов на заключительных этапах исследования возможна и даже неизбежна благодаря новым стратегиям и приемам в математической обработке «нестандартного материала», как правило, полученного в виде текста на основе практики качественных методов.

Справочники и учебники для исследователей в социальных науках, описывающие качественные

методы, рекомендуют герменевтику как удобную методологическую рамку для качественного исследования и описывают методики и техники обработки результатов в русле герменевтического анализа (Oevermann, 1993; Titscher, 2003; Страусс, Корбин, 2008; Семенова, 2008; и др.).

В данной статье мы представляем результаты эмпирического исследования понимания, выполненного в русле герменевтического подхода, в непривычной форме числовых таблиц, математических моделей, тем самым проблематизируя возможность интеграции качественных и количественных методов в области «практической герменевтики», а также союз качественного и количественного подходов как необходимость для развития постнеклассической психологии (Гусельцева, 2001; Леонтьев, 2005; и др.).

Об истории герменевтики и герменевтического анализа

Ц. Тодоров представлял герменевтику в структуре «западной семиотики» наряду с семантикой, логикой и риторикой (Тодоров, 1998). Однако герменевтика, обладающая особым научным статусом «метанауки» (Radford, 1991; Бетти, 2011; и др.), имеет собственную весьма продолжительную историю.

Поверхностный взгляд на историю герменевтики позволяет определять ее исключительно посредством понимания и толкования текста, а ее явление связывать с именем В. Дильтея (поскольку тот провозгласил герменевтику методологией гуманитарных наук) или с толкованием Библии (экзегезис). Тем не менее в действи-

тельности исторические корни герменевтики лежат в многовековой практике устного толкования.

Первые толкователи «знаков» и сновидений путешественников считали своим покровителем Гермеса. Толкователей Гомера также называли герменевтиками, а само толкование носило, по большей части, аллегорический характер (Шульга, 2002).

Поэты — истолкователи богов, утверждал Платон, очерчивая тем самым область «агентов» античной герменевтики. Уже античный истолкователь стремился понимать автора лучше, чем он сам понимал себя, предвосхищая постмодернистское замечание Р. Барта о «смерти автора». Для реализации целей герменевтики — выявления внутренних механизмов познания, соответствующих структуре знания и смысла, учитывались роль культурного контекста, значение ряда универсалий, формулировались правила и приемы интерпретаций.

Распространение христианского вероучения активизировало потребность в объяснении и истолковании религиозных текстов. Поскольку священный характер Библии требовал дополнительных правил истолкования, не приложимых к мирским документам, появилась библейская герменевтика — экзегезис (Слесинский, 2001; Шульга, 2002; и др.).

В XI в. на основе изучения и толкования свода Римского права в Болонской юридической школе рождается юридическая герменевтика, опирающаяся на схоластический метод и диалектику (искусство примирения противоречий) (Шульга, 2002). В XVIII в. И.М. Хладениус

применяет герменевтический подход к историческим текстам, в конце XVIII — начале XIX в. возникают филологическая герменевтика (Ф. Аст, А. Бёк, В. Гумбольдт, Ф. Шлейермахер) и психологическая герменевтика (Ф. Шлейермахер) (Кузнецов, 2002). Благодаря трудам Ф. Шлейермахера был проблематизирован герменевтический метод как особая техника понимания, а также принято понятие «герменевтический круг» — принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого (Шлейермахер, 2004).

В психологических исследованиях термин «герменевтика» прочно ассоциируется с именем В. Дильтея, немецкого профессора, который, находясь в числе попечителей архива Ф. Шлейермахера, осознал вклад предшественника в развитие методологии гуманитарных наук, о чем и сообщил миру в изложении биографии Ф. Шлейермахера и далее — в собственных научных трудах «Введение в науки о духе. Критика исторического разума» (1883), «Описательная психология» (1894), «Возникновение герменевтики» (1900) и др. (Кузнецов, 2002).

В. Дильтей настаивал на том, что понимание — не просто «процедура мысли», поскольку транспозиция, подражание, сопереживание — техники переживания — явно указывают на цельность душевной жизни, проявляющуюся в этом процессе. В. Дильтей предлагает в качестве ключевого психологического инструмента использовать именно герменевтику (не интроспекцию) — как науку и искусство интерпретации «гуманитарного» (воспоминания, автобиографию и т.д.) (Дильтей,

1996). В современных интерпретациях благодаря работам В. Дильтея была сформулирована связь ряда философских направлений (герменевтика, феноменология и т.д.), представляющих общефилософский методологический уровень, и гуманитарной парадигмы (общенаучный методологический уровень) в психологии (Дружинин, 1997).

Среди ярких, возможно, менее известных исследователей герменевтики следует упомянуть и российских ученых, а именно Г.Г. Шпета, участника психологического семинара и Московского лингвистического кружка Г.И. Челпанова, в 1921 г. отстраненного от преподавания в Московском университете и расстрелянного в Томске 16 ноября 1937 г. (Кузнецов, 2002). Г.Г. Шпет был одним из первых философов, кто интегрировал идеи герменевтики и феноменологии Э. Гуссерля, лекции которого слушал и кого считал учителем. В герменевтике Г.Г. Шпета язык имеет независимое внешнее бытие, оказывает давление на человека, а фундаментальным становится понятие «языковое сознание», которое возможно «расшифровать» благодаря герменевтическим техникам и методикам.

У другого, более известного ученика Э. Гуссерля — М. Хайдеггера, интегрирующего идеи феноменологии и герменевтики, судьба сложилась иначе. Характеризуя развитие герменевтических идей, М. Хайдеггера называют среди ключевых фигур, «перевернувших» традиционную герменевтику (Кузнецов, 2002; Шульга, 2002 и др.). Если Ф. Шлейермахер, описав «герменевтический круг», сформулировал линию герме-

невтического анализа «от интерпретации к пониманию», то М. Хайдеггер «переворачивает» герменевтическую логику, утверждая первичность понимания («набрасывания смыслов») (Слесинский, 2001).

По М. Хайдеггеру, предструктура понимания (опыт истолкования, данный в языке), ограничивающая нас, должна быть разрушена, а сознание — освобождено, поэтому, встречаясь с миром, следует вновь и вновь «набрасывать» смыслы на события, явления, тексты, как бы заново «тестируя», проверяя их: интерпретации лишь следуют за пониманием. По М. Хайдеггеру, важно не избежать «герменевтического круга», а войти в него подобающим образом (Хайдеггер, 1993). В герменевтике М. Хайдеггера снимается противопоставление субъекта и объекта истолкования, поскольку предельно проблематизируется активность субъекта познания. Так, не история относится к нам, пояснял Х.Г. Гадамер, продолжающий герменевтику фактичности М. Хайдеггера, а мы относимся к истории: это мы понимаем себя в семье, обществе, государстве (Гадамер, 1988).

Герменевтика П. Рикера, одного из известных современников, которого относят к «консервативному крылу» герменевтов, ставит своей целью выяснение глубинного значения путем демифологизации (восстановление скрытых значений символов) и демистификации (разрушение символов сознания путем демонстрации того, что они представляют ложную реальность) (Рикер, 2008).

А вот «критическая герменевтика» другого современника — Ю. Ха-

бермаса — вновь претендует на революционность и «герменевтический переворот», утверждая значимость «предсознания» и «предрассудков» в познании реальности. Так, определяя мир посредством языковой коммуникации, Ю. Хабермас различает два модуса языкового употребления: коммуникативный (понимание как важнейшее условие коммуникации) и когнитивный (объективирующая установка естественнонаучного познания).

В процессе познания, согласно коммуникативной герменевтике Ю. Хабермаса, на место структур трансцендентального сознания, обеспечивающих получение достоверного знания, помещаются структуры коммуникации, задающие интересубъективную значимость познания (Шульга, 2002). Нет нужды «набрасывать» смыслы, постигая реальность, когда в сети коммуникаций субъекта «герменевтического толкования» предложено все необходимое для построения «картины мира».

В кратком описании развития герменевтических идей и дискуссий, представляется важным подчеркнуть наличие множественности трактовок, с одной стороны, в понимании герменевтики, с другой стороны — в существовании определенных традиций в изложении герменевтических концепций и идей.

Герменевтика как методология современных социальных и гуманитарных исследований в России

В современной российской социогуманитаристике герменевтическая проблематика очевидно находится

на «переднем крае» научного познания: в последнее десятилетие были защищены интересные и неожиданные по своей формулировке проблемы исследования в формате диссертации (кандидатской или докторской).

Ожидаемо герменевтические исследования развиваются в области богословия и библейской герменевтики (Соколов, 2012 и др.). В «философском секторе» выполнено наибольшее число герменевтических исследований, посвященных биографиям и детализации идей классиков герменевтики (Борисенкова, 2011 и др.), сравнительному анализу различных герменевтических позиций и идей (Источникова, 2007 и др.), компаративистскому культурно-центрированному анализу герменевтических философских идей (Сретенская, 2012; и др.), включая языковое посредничество (Копылов, 2006 и др.) и аспекты семиотического анализа (Шаев, 2009; и др.).

Любопытно, что некоторые работы представлены очевидно в междисциплинарном контексте, а философская «направляющая» задается именно герменевтическим анализом, как, например, в случае с работой, посвященной межличностной коммуникации (Болдонова, 2009) или сравнительному анализу коммуникативных моделей, выработанных в герменевтике и психоанализе (Печенина, 2009).

Другая научная область, обширно включающая герменевтику в методо-

логию исследований, — филология (преимущественно литературоведение). Опираясь на классические работы Ф. Шлейермахера, современные исследователи «филологической герменевтики» наиболее часто обращаются к анализу поэтического текста (Гребенев, 2011; Вольский, 2008; и др.).

Юридическая герменевтика в интерпретациях российских правоведов существует автономно, не в контексте привычных философских дискуссий, в форме герменевтического анализа фактически по «античным канонам» (Амельченко, 2010; Васюк, 2011; и др.). Именно поэтому к «юридическим герменевтам» в разных работах относят исследователей определенно позитивистской ориентации (что сложно вообразить, например, в социологических исследованиях, базирующихся на «философской герменевтике» — одной из основ так называемой «гуманитарной парадигмы» в социальных науках).

В ряде педагогических работ герменевтический анализ представлен номинально (см., например: Сердюк, 2010) или буквально — в контексте развития познавательных процессов и в контексте обучению чтению школьников, тем более что понимание читаемого текста в настоящее время — условие успешного выполнения учащимися стандартных международных тестов, таких как, например, PISA¹ или PIRLS² (Башакина, 2008).

В отдельных работах герменевтическая методология оказывается

¹ Program for International Student Assessment.

² Progress in International Reading Literacy Study.

основой новаторского подхода, используется для формулирования идей, традиционно рассматриваемых в других методологических рамках. Так, одно из культурологических исследований, посвященное «герменевтическому измерению» языковой картины мира, претендует на изучение герменевтическими инструментами и ситуации межкультурной коммуникации, и лингвокультурной картины мира, и национально-культурной идентичности (Орлова, 2010).

Таким образом, встречаемый термин «герменевтика» в названиях исследований и на страницах диссертаций не гарантирует погруженности текстов в эпистемологические проблемы, возникающие, на первый взгляд, при проблематизации «герменевтического». Формально вписывая свой научный труд в контекст герменевтики, ряд авторов практикует «герменевтический анализ» вне классических традиций, не упоминая конкретные герменевтические методы, техники, инструменты, а также концепции, тексты, дискуссии и имена «ключевых герменевтов», т.е. не реконструирует контекст «нормальной науки» по Т. Куну (Кун, 1975).

Проблема понимания и интерпретации в российской психологии

В отечественной психологии термины «герменевтика» и «герменевтический анализ» оказались практи-

чески невостребованными, исследователи чаще использовали термины «интерпретация» и «понимание». Ключевые исследования в этой области на современном этапе были проведены сотрудниками Института психологии РАН³.

В.В. Знаков, наиболее последовательно разрабатывающий проблематику «понимания», в одном из своих первых обзоров зарубежных исследований назвал семь направлений междисциплинарного характера в изучении понимания:

- методологическое (суть методология гуманитарных наук)⁴;
- гносеологическое (включение новых знаний в прошлый опыт субъекта);
- логическое (способность к умозаключениям);
- семантическое (интерпретация отношений);
- лингвистическое (трансформация поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, состоящую из простых утвердительных конструкций);
- коммуникативное (согласование целей взаимодействующих лиц);
- психологическое экспериментальное (роль образов в понимании, уровни понимания в психологии чтения, понимание переносного смысла, индивидуальные различия в понимании и т.д.) (Знаков, 1986).

К недостаткам проанализированных работ он относит преимущественно когнитивистскую ориентацию представленных исследований.

³ Ранее проблемы понимания в контексте психологии обучения разрабатывались П.П. Блонским и Н.А. Рубанским (Славская, 2002).

⁴ В статье 1986 г. В.В. Знаков анализирует «психологическую герменевтику» психоанализа.

Однако, несмотря на критику когнитивистской ориентации в изучении понимания в зарубежных исследованиях, первые определения понимания В.В. Знаков также формулирует в контексте сугубо познавательных процессов: «Понимание — компонент мышления, один из образующих его процессов. Понимание обеспечивает установление связи раскрываемых новых свойств субъекта познания с уже известными субъекту, формирование операционального смысла новых свойств объекта и определение их места и роли в структуре мыслительной деятельности» (Знаков, 1991, с. 18). Следовательно, понять событие, ситуацию, явление — значит сформировать операциональный смысл, опираясь на знания о событиях такого рода, при этом образование операциональных смыслов происходит путем установления связи выявленного в процессе мышления объективного содержания проблемного знания с фрагментами структуры личностного знания человека, в контексте которого понимаемое приобретает для него смысл (Знаков, 1989а).

Таким образом, формируя в научных текстах преимущественно «познавательный контекст» психологического феномена «понимание», однако допуская в структуру определения такой «ценностный» элемент, как «смысл», исследователь фактически определяет неизбежные трансформации своих программ в описании и анализе социально-психологи-

ческого феномена «понимание» в будущем. Действительно, научные проекты В.В. Знакова, опубликованные на страницах многих академических журналов, демонстрируют «движение» ученого от изучения понимания как познавательного феномена (см., например: Знаков, 1989б, 1991; Тихомиров, Знаков, 1987; и др.) к пониманию как экзистенциальному феномену (Знаков, 2000 и др.). Для нашего исследования значимо, что именно в научных текстах В.В. Знакова можно встретить описание экспериментов с использованием текста как «стимульного материала» для изучения понимания, например, военнослужащими или подростками моральных и этических проблем (Знаков, 1989, 1990 и др.).

Тем не менее с каждым последующим научным проектом его все более увлекают целеобразование в процессе мыслительной деятельности у участников экспериментов, их личностные смыслы, а в дальнейшем - самопознание и самопонимание «испытуемых», что отражается на смене акцентов и фокуса исследований.

Понимание как интерпретация и механизм социализации/инкультурации, обеспечивающий активное, субъектное вхождение личности в социокультурное пространство, представлено в работах А.Н. Славской (Славская, 2002 и др.).

А.Н. Славская критично оценивает как саму герменевтику⁵, так и возможности герменевтики в интерпретации

⁵ В своей монографии она буквально указывает: «Если вся герменевтика объявляет себя наукой о смысле, а психология, в свою очередь, определяет смысл как основную единицу сознания, то через одну эту единицу нельзя выявить специфику психологического подхода к интерпретации» (Славская, 2002, с. 51).

смыслов какого-либо текста в сравнении, например, с психологией: «...для герменевтики смысл — надличностная — культурная, присущая тексту, произведению, автору, или интерсубъективная единица, а смысл для психологии — индивидуально-личностная единица, которая определяется через соотношение с надличностными значениями (А.Н. Леонтьев), чем фактически нивелируется герменевтическое понимание смысла» (Там же, с. 52).

Исследовательница как бы упрекает В. Дильтея в том, что тот размышлял вне субъектно-деятельностной парадигмы, поскольку он «без опоры на субъективную парадигму сумел лишь уловить встречный, идущий от индивида к тексту характер понимания, но не смог раскрыть сущность интерпретации как свободной, произвольной, не ограниченной рамками текстов субъективности» (Там же, с. 40).

Важно отметить, что именно А.Н. Славская опирается на интерпретацию при формулировании содержания социальных представлений (по С. Московичи), что не характерно для других исследователей, известных своими работами в области изучения социальных представлений (см., например: Емельянова, 2006; Гулевич, 2001; и др.).

Таким образом, востребованные в социогуманитаристике (от социологии и философии до истории и права) герменевтические инструменты, идеи понимания, толкования, интерпретации в психологических исследованиях оказываются в центре внимания единичных исследовательских проектов. Современная «психологическая герменевтика» в

русскоязычных работах представлена достаточно скупой (Бусыгина, 2009; Порус, 2011; Самохвалов, 2002; и др.).

Описание программы эмпирического исследования

Из всех определений процесса понимания в герменевтике, на наш взгляд, определение понимания как «набрасывания смыслов» (М. Хайдеггер), а также определение понимания как структуры коммуникации, задающей интерсубъективную значимость познания (Ю. Хабермас), имеют наибольшую операциональность, могут быть расшифрованы и реализованы в эмпирическом психологическом исследовании. Возможности практического использования герменевтических инструментов в современных социальных науках, и особенно в психологии, — одна из обсуждаемых тем качественных прикладных исследований (Carlson, Hadjikhani, 1992; Sodre, 2004; и др.).

Особое место в данных дискуссиях занимает роль экспертной группы (более или менее профессиональной), которая оказывается необходимой частью процедуры качественного исследования.

Возникает вопрос: что собой представляет понимание в процессе толкования экспертной группой какого-либо социокультурного материала? Какова вообще степень согласованности или несогласованности в понимании людьми тех или иных явлений и «социокультурных текстов»?

Чтобы ответить на вопросы относительно понимания «различных культурных текстов», нами было

спланировано пилотное исследование с использованием обычных текстов, знакомых большинству россиян по школьной программе.

Цель исследования — изучение согласованности понимания и выявление закономерностей интерпретаций («непонимания» и «понимания») текстовых посланий на примере исторических текстов (1 — поэтический художественный текст, 2 — прозаический художественный текст, 3 — научный текст). Фактически в данном пилотном исследовании, используя герменевтический анализ герменевтических же интерпретаций (понимания и интерпретаций), мы реконструировали модели и закономерности логики осуществления интерпретаций, закономерности понимания или непонимания текстового послания.

При планировании исследования были поставлены достаточно сложные задачи, наиболее значительные из них:

– разработка и апробация процедуры герменевтического анализа текстового материала на основе уже существующих герменевтических техник и процедур;

– выбор и апробация релевантных методов математического анализа для поиска закономерностей в полученном эмпирическом материале;

– описание моделей понимания, учитывая жанровые различия текстов, а также характеристики выборки.

В качестве материалов для интерпретации были выбраны три текста

исторического содержания (содержащие описание Бородинского сражения): поэма «Бородино» (М. Лермонтов; поэтический художественный текст), отрывок из романа «Война и мир» о Бородинском сражении (Л. Толстой: прозаический художественный текст), описание Бородинского сражения в очерке «Нашествие Наполеона на Россию» (Е. Тарле; научный текст).

Тексты предлагались двум группам «читателей»: первокурсникам, поступившим на очное отделение гуманитарного факультета государственного вуза (32 человека, 17–18 лет) и абитуриентам заочного отделения гуманитарного факультета негосударственного вуза (17 человек, 25–45 лет)⁶.

Согласно инструкции, читатели текстов должны были прочитывать тексты, делить их на смысловые части (секвенции)⁷ и на полях записывать «смысл»⁸ выделенной части (осуществляли процесс интерпретации выделенной части текста). В результате прочтения каждый участник исследования сдавал три размеченных текста с пометками («интерпретациями») на полях.

Подобная схема анализа текстов используется в русле техники «объективная герменевтика» для герменевтического анализа сложного текста/гипертекста (вербального или визуального) с той разницей, что работа по согласованию «смыслов» ведется в дискуссии и группа приписывает

⁶ Текст М. Лермонтова «Бородино» анализировали 64 человека: 32 очника-первокурсника и 32 заочника.

⁷ Эмпирически выяснилось, что секвенция, как правило, составляла абзац текста.

⁸ В данном случае под смыслом подразумевается когнитивная категория (не экзистенциальная).

один «смысл» секвенции на основе общего согласования (Titscher, 2003).

На следующем этапе с прочитанными и проинтерпретированными текстами работала экспертная группа (магистранты-лингвисты; 9 человек). Экспертная группа фиксировала «смыслы»/интерпретации, записанные на полях, для каждого текста каждого участника и далее классифицировала «смыслы» в группы. После классификации группы «смыслов» были тематизированы, названы, им были присуждены «категории».

В результате все «смыслы»

– текста «Бородино» (М. Лермонтов) были классифицированы на 6 групп-категорий («Описание хода битвы»; «Характеристики воинов»; «Смерть и кровопролитие»; «Победа»; «Память о битве»; «Категория непонимания»);

– текста из главы 30 части 2 тома 3 романа «Война и мир» (Л. Толстой) были классифицированы на 8 групп-категорий («Описание хода битвы»; «Характеристики воинов»; «Смерть и кровопролитие»; «Патриотизм»; «Неразбериха и хаос»; «Пьер Безухов»; «Описание природы»; «Категория “непонимания”»);

– текста главы V исторического очерка «Нашествие Наполеона на Россию» (Е. Тарле) были классифицированы на 8 групп-категорий («Описание хода битвы»; «Характеристики воинов»; «Смерть и кровопролитие»; «Патриотизм»; «Общее моральное состояние армий (французской и русской)»; «Роль личности в битве»; «Характеристика русской армии»; «Категория непонимания»).

Таким образом, пять категорий оказались общими («Описание хода битвы»; «Характеристики воинов»; «Смерть и кровопролитие»; «Патриотизм» и «Категория “непонимания”»).

На третьем этапе все тексты были перекодированы, т.е. секвенциям текста, помеченным первоначально «индивидуальными смыслами», были присуждены соответствующие категории. Следовательно, каждый текст оказался размеченным на основе 6 (текст Лермонтова) или 8 (тексты Толстого и Тарле) категорий.

Данные этапы (второй и третий) характерны для герменевтического анализа в форме кодирования (Страусс, Корбин, 2008), а именно для «открытого» или «осевого» кодирования (используется, как правило, для текстов меньшего объема). В случае данного исследования нетипичным действием было введение категории «непонимание» для маркирования тех секвенций-абзацев, в отношении которых читатели не определили смысл.

Определив за секвенцию абзац, в результате перекодирования (подстановки вместо индивидуализированного смысла категории, определенной экспертами на основе анализа всех «смыслов» текста) для каждого текста были составлены матрицы, характеризующие особенности понимания текстов различными подгруппами выборки.

Далее предполагалось выяснить степень согласованности понимания как результата интерпретации текстов, представленных читателям в разной форме. Кроме того, мы предположили, что так же, как в лингвистических системах описан лексикон,

представляющий некие правила и структуры, раскрывающие организацию лексического материала в сознании, существуют и некие правила, закономерности, способы организации «смыслов» в тексте, которые могут быть идентифицированы на основе герменевтического анализа с участием в обработке полученных «матриц категорий» при помощи математических методов.

Анализ согласованности понимания текстов

Изучение согласованности оценок чего-либо представляет собой интересную задачу, которую, как правило, необходимо решать для данных, представленных в номинальной шкале — шкале категорий. Стоит отметить, что методы, используемые для изучения экспертных оценок, чаще всего имеют дело с порядковой или интервальной шкалами, т.е теми, на которых определено отношение «больше — меньше» (Поршнева, 2011). В случае выявленных респондентами смыслов мы не можем сказать, что они упорядочены, это лишь значения категорий.

Анализ литературы показал, что для решения данной задачи используется К-критерий, построенный на каппа-статистике, широко используемой в медицине для постановки диагноза и анализа данных (Sim, Wright, 2005). Каппа-статистика применяется в ситуации, когда исследователю необходимо выяснить меру согласия экспертов, которые высказывают свои суждения в номинальной шкале (Randolph et al., 2005). Применяв К-критерий, построенный на каппа-статистике, к шести матрицам (три текста; две подгруппы выборки), размеченным категориями интерпретаций, получаем значения, представленные в таблице 1.

Как видно из данных таблицы, согласие участников исследования небольшое, при этом наиболее согласованным в понимании является поэтический текст М. Лермонтова, наиболее сложным, непонятным и несогласованным — текст Л. Толстого.

Так, в тексте М. Лермонтова одна из наиболее однозначно интерпретированных «секвенций» — начало стихотворения (категория «Память о битве» — 90% совпадений):

Таблица 1

Согласованное понимание текстов о Бородинском сражении (коэффициент согласованности оценок K_{free} для текстов о Бородинском сражении)⁹

Тексты	Группы		
	Вся выборка	Первокурсники-очники	Заочники (старше 30 лет)
Лермонтова	0.30	0.28	0.37
Толстого	0.21	0.22	0.27
Тарле	0.23	0.20	0.31

⁹ В работе Дж. Ландис и Г. Кох были предложены стандарты для силы коэффициента согласования: 0 — очень слабое, 0.10–0.20 — легкое, 0.21–0.40 — небольшое, 0.41–0.60 — среднее, 0.61–0.80 — значимое, 0.81–1.0 — практически идеальное (Landis, Koch, 1977).

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
(«Бородино»; М.Ю. Лермонтов).

Среди наиболее сложных и многозначных для интерпретации секвенций, например, была следующая (категории: 28 человек — «Описание хода битвы», 23 человека — «Характеристика воинов», 4 человека — «Смерть и кровопролитие», 5 человек — «Категория “непонимания”», 2 человека — «Победа», 2 человека — «Память о битве»):

«Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус».
(«Бородино»; М.Ю. Лермонтов).

На первый взгляд, рассогласование интерпретаций может быть обусловлено сложносоставным смысловым характером шестистишия. Однако участники исследования могли разделить шестистишие на части, проинтерпретировав части, тем не менее не сделали этого, стереотипно выделив как смысловую секвенцию шестистишие.

Знакомство же с собственно «смыслами», запакованными в категории, выделенными участниками исследования, убеждает, что чуть более сложные текстовые блоки остаются «за гранью понимания» у обычных — «наивных» — интерпретаторов.

Так, данное шестистишие М.Ю. Лермонтова, где описываются действия российских и французских солдат между битвами, интерпретируется и как категория «ход битвы», и как «смерть и кровопролитие», и даже как «победа».

Анализ общей согласованности понимания текстов по всей выборке позволяет отметить очевидный «эффект когорты». Если коэффициент согласованности более старших участников исследований приближается к среднему уровню, то первокурсники демонстрируют несогласованное понимание всех трех текстов. Казалось бы, «клишированное сознание» выпускников, «натасканных на школьную программу», должно сработать как мощная объединяющая сила, однако, судя по результатам герменевтического анализа, это не так.

Согласованность в интерпретациях наиболее вероятно обеспечивает то, что Ю. Хабермас считал «структурами коммуникаций», которые помещаются на место трансцендентального сознания и задают intersubjectивную значимость познания. Старшие участники исследования (заочники негосударственного вуза, старше 30 лет), «лучше знающие жизнь», а точнее — имеющие больший опыт согласованного оценивания в группе, — более согласованно оценивают смысловую сторону текстов и в экспериментальных условиях (без возможности дополнительного обсуждения).

«Набрасывание смыслов» (М. Хайдеггер) позволяет иметь уникальный взгляд на реальность, обладать уникальными интерпретациями и особым «своим» (возможно, не

разделенным с другими) пониманием, однако не обладает «аффилирующим» значением, обеспечивающим коммуникацию в социуме.

Анализ связей между категориями и интерпретациями

Кроме общей согласованности текстов были изучены отдельные секвенции, выделенные и проинтерпретированные участниками исследования как наиболее согласованные.

В тексте М. Лермонтова наиболее согласованными для понимания в общей выборке оказались шестистишие 1 ($K_{\text{free}} = 0.71$ и $K_{\text{free}} = 0.94$; доминирующая категория «Память о битве») и шестистишие 9 ($K_{\text{free}} = 0.62$ и $K_{\text{free}} = 0.58$; доминирующая категория «Характеристика воинов»).

В подгруппе первокурсников – шестистишие 5 ($K_{\text{free}} = 0.63$; доминирующая категория «Характеристика воинов»).

В подгруппе студентов-заочников – шестистишие 4 ($K_{\text{free}} = 0.76$; доминирующая категория «Описание хода битвы») и шестистишие 6 ($K_{\text{free}} = 0.57$; доминирующая категория «Описание хода битвы»).

Пример четвертой секвенции-шестистишия:

«И вот нашли большое поле:

Есть разгуляться где на воле!

Построили редут.

У наших ушки на макушке!

Чуть утро осветило пушки

И леса синие верхушки –

Французы тут как тут».

(«Бородино»; М.Ю. Лермонтов).

В тексте Е. Тарле наиболее согласованной для понимания в общей выборке оказалась первая секвенция

($K_{\text{free}} = 0.45$ и $K_{\text{free}} = 0.46$; доминирующая категория «Патриотизм»).

Пример первой секвенции: «Во всемирной истории очень мало битв, которые могли бы быть сопоставлены с Бородинским боем и по неслышанному до той поры кровопролитию, и по ожесточенности, и по огромным последствиям» (Тарле Е. Бородино // Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. Глава V).

В тексте Л. Толстого наиболее согласованными стали секвенции 1 ($K_{\text{free}} = 0.44$ и $K_{\text{free}} = 0.45$; доминирующая категория «Описание природы») и секвенция 23 ($K_{\text{free}} = 0.40$ и $K_{\text{free}} = 0.34$; доминирующая категория «Пьер Безухов»).

Пример первой секвенции (из главы 30 части 2 тома 3):

«Над Колочею, в Бородине и по обеим сторонам его, особенно влево, там, где в болотистых берегах Война впадает в Колочу, стоял тот туман, который тает, расплывается и просвечивает при выходе яркого солнца и волшебю окрашивает и очерчивает все виднеющееся сквозь него. К этому туману присоединялся дым выстрелов, и по этому туману и дыму везде блестели молнии утреннего света – то по воде, то по росе, то по штыкам войск, толпившихся по берегам и в Бородине» (Толстой Л.Н. Война и мир. Том 3).

Общим в понимании разных текстов оказывается единодушие в интерпретации первой секвенции текста, хотя по содержанию она отлична от текста к тексту. Вероятно, это связано с тем, что при чтении первых строк читатель наиболее близко по содержанию пересказывает авторский текст (включая внимание), а далее – и менее внимателен, и

более склонен «додумывать», чем вникать в мысли писателей и поэтов.

Кроме того, в поэтических текстах наиболее однозначно «считываются» описания (характеристики) людей и описания действий (в нашем случае — описание битвы). В прозаических текстах любые описания уже не выглядят так однозначно.

Поиск последовательностей в интерпретациях текстов

Для проверки гипотезы о существовании некой логики интерпретаций, о связи между интерпретациями, используем ассоциативные правила в русле подхода, предложенного Р. Агравалом с соавт. (Agrawal et al., 1993). Данный подход позволяет решать одну из наиболее распространенных задач анализа данных, которая состоит в определении часто встречающихся наборов объектов в большом множестве наборов. Впер-

вые этот подход был использован для нахождения типичных потребительских корзин в маркетинговых целях, для определения предпочтений потребителей, размещения товаров на полках и проведения рекламных кампаний.

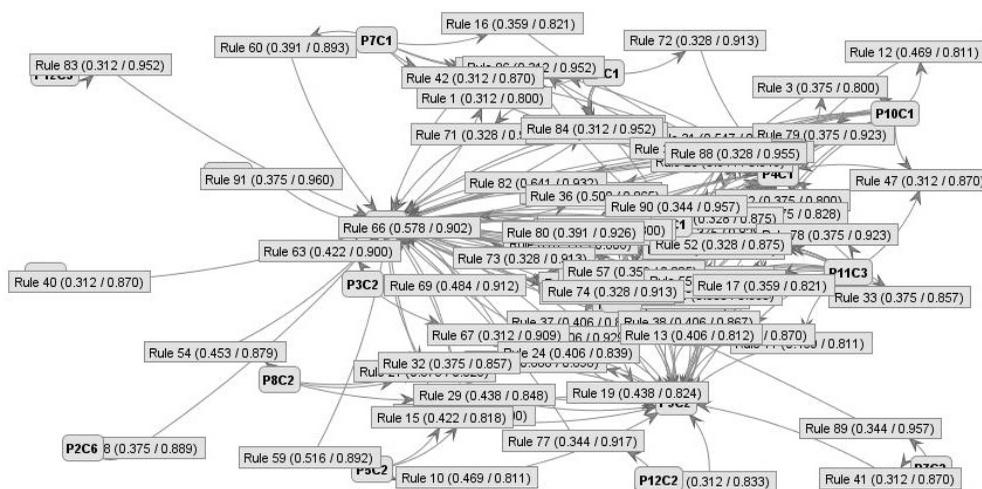
Используем логику ассоциативных правил для интерпретаций текстов на примере «Бородино» М. Лермонтова (см. рисунок 1).

Рисунок 1 представляет собой граф ассоциативных правил, в который вошли только значимые правила, т.е. имеющие поддержку (частоту встречаемости) более 0.3. Как видно из рисунка 1, в силу большого числа полученных ассоциативных правил (88 правил) их непосредственный анализ затруднен. Какую информацию могут нам дать ассоциативные правила в дополнение к анализу согласованности?

Во-первых, анализ предоставляет нам информацию о наиболее распро-

Рисунок 1

Выявленные ассоциативные правила для текста М. Лермонтова «Бородино»

страненных группах интерпретаций (см. таблицу 2)¹⁰.

Наиболее часто встречаемые группы — это «P1C6, P6C1» и «P4C1, P6C1». Т.е. в работах 50% участников эксперимента мы встречаем выбор категории 6 в секвенции/параграфе 1 и выбор категории 1 в секвенции/параграфе 6. Стоит отметить, что группы «P1C6, P6C1» и «P4C1, P6C1», скорее всего, пересекаются, т.е. некоторые (но не все) участники выбрали P1C6, P4C1, P6C1, но таких участников меньше 30%. Интересно, что группы категорий, которые выбрали хотя бы более 50% участников, характеризуют выбор смысла только для двух секвенций/параграфов. Это дополнительная информация об отсутствии согласованности в интерпретации нескольких параграфов, которую нельзя было получить, используя коэффициент Каппа.

Во-вторых, проведем анализ последовательностей интерпретаций. Для этого исключим все правила, в которых номера секвенций/параграфов вывода меньше, чем номера секвенций/параграфов посылок. Если рассмотреть правила, в которых из значения секвенции/параграфа следует значение последующей секвенции/параграфа, то таких правил будет меньше, всего 12.

В таблице 3 представлены параграфы-посылки и параграфы-выводы, а также частота встречаемости параграфов-посылок (поддержка) и вероятность того, что у участника исследования кроме определенных категорий посылок выбран еще и параграф вывод (достоверность). Например, из всех участников исследования 31.25% указали в секвенции/параграфе 1 смысл 6, в секвенции/параграфе 4 смысл 1, в секвенции/параграфе 2 смысл 2, из этих 31.25% 80% указали в секвенции/параграфе 6 смысл 1.

На рисунке 2 изображен граф ассоциативных правил с учетом последовательностей категорий.

Согласно рисунку 2, 10 правил не представляют для нас интерес, поскольку связаны с большой согласованностью в интерпретации секвенции/параграфа 9 (68.75% участников исследования указали в этом параграфе смысл 2, этот параграф имеет наибольшую согласованность оценок 0.599, после параграфа 1). Однако три оставшихся правила указывают на две любопытные тенденции. Первая: хотя из выбора P1C6, P2C2 с большой вероятностью следует как выбор P4C1, так и выбор P9C2, но непосредственно из P4C1 не следует P9C2. Вторая ситуация, еще более интересная: P4C1, P2C2

Таблица 2

«Бородино» М. Лермонтова: наиболее частотные группы интерпретаций

Группа интерпретаций	Частота встречаемости (поддержка)
P1C6, P6C1	0.50
P4C1, P6C1	0.50

¹⁰ P – параграф (секвенция в тексте); C – категория.

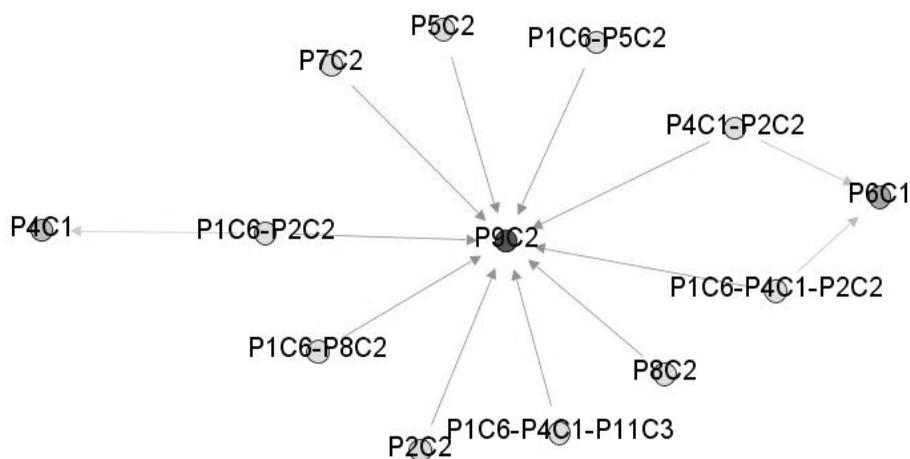
Таблица 3

«Бородино» М. Лермонтова: ассоциативные правила для последовательностей категорий

№	Параграфы-посылки	Параграфы-выводы	Поддержка	Достоверность
1	P1C6, P4C1, P2C2	P6C1	0.31	0.80
2	P7C2	P9C2	0.31	0.86
3	P1C6, P4C1, P2C2	P9C2	0.33	0.84
4	P4C1, P2C2	P6C1	0.34	0.81
5	P4C1, P2C2	P9C2	0.36	0.85
6	P1C6, P8C2	P9C2	0.38	0.82
7	P1C6, P2C2	P4C1	0.39	0.80
8	P1C6, P2C2	P9C2	0.41	0.83
9	P1C6, P5C2	P9C2	0.42	0.81
10	P2C2	P9C2	0.44	0.82
11	P8C2	P9C2	0.44	0.84
12	P5C2	P9C2	0.47	0.81

Рисунок 2

Выявленные ассоциативные правила для последовательностей интерпретаций параграфов поэмы М. Лермонтова «Бородино»

(и чуть более вероятно с добавлением P1C6) ведут и к P6C1, и к P9C2, но при этом выбор P6C1 не ведет к P9C2.

Таким образом, можно видеть, что в интерпретации секвенций/параграфов отсутствуют последовательности. Можно предположить, что это

более характерно для восприятия поэзии, а в случае научного текста мы будем наблюдать большую связность интерпретаций. Проверим это на тексте Е. Тарле.

В интерпретациях текста Е. Тарле была выявлена 171 группа интерпретаций (с частотой встречаемости больше 0.5), в таблице 4 приведены только группы секвенций/параграфов больше трех.

Таблица 4

Текст Е. Тарле: наиболее частотные группы интерпретаций

№	Группа интерпретаций	Частота встречаемости (поддержка)
1	P8C1, P5C8, P9C1	0.52
2	P8C1, P5C8, P4C8, P9C1	0.52
3	P8C1, P5C8, P4C8, P3C8	0.52
4	P8C1, P5C8, P4C8	0.57
5	P8C1, P5C8, P3C8, P9C1	0.53
6	P8C1, P5C8, P3C8	0.57
7	P8C1, P4C8, P9C1	0.57
8	P8C1, P4C8, P6C8	0.52
9	P8C1, P4C8, P3C8, P9C1	0.52
10	P8C1, P4C8, P3C8	0.57
11	P8C1, P4C8, P21C1	0.50
12	P8C1, P3C8, P9C1	0.57
13	P8C1, P3C8, P6C8	0.52
14	P8C1, P3C8, P21C1	0.50
15	P5C8, P4C8, P9C1	0.57
16	P5C8, P4C8, P6C8	0.52
17	P5C8, P4C8, P3C8, P9C1	0.52
18	P5C8, P4C8, P3C8	0.57
19	P5C8, P4C8, P21C1	0.50
20	P5C8, P3C8, P9C1	0.57
21	P5C8, P3C8, P6C8	0.52
22	P5C8, P3C8, P21C1	0.50
23	P4C8, P9C1, P21C1	0.52
24	P4C8, P3C8, P9C1	0.57
25	P4C8, P3C8, P6C8	0.52
26	P4C8, P3C8, P21C1	0.52
27	P3C8, P9C1, P21C1	0.57

Предположение о том, что в интерпретациях текста Е. Тарле будет присутствовать большее число частотных последовательностей, подтверждается.

На наш взгляд, это характерно для логики изложения в научном стиле. Несмотря на то что согласованность в интерпретации отдельных параграфов в поэме М. Лермонтова выше, в научном тексте выше согласованность в последовательностях интерпретаций. Так, если максимальная группа согласованных интерпретаций для поэмы М. Лермонтова состоит из двух секвенций/параграфов, то для текста Е. Тарле она достигает четырех.

Рассмотрим граф ассоциативных правил, построенный после выявления последовательностей интерпретаций параграфов.

Как видно из рисунка 3, граф ассоциативных правил состоит из

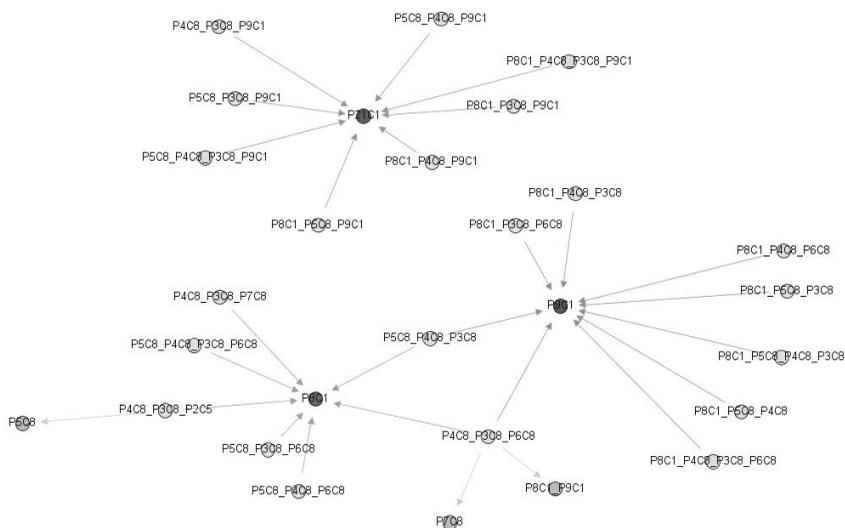
двух частей. На графе отмечены наиболее часто встречающиеся вершины P21C1, P9C1, P8C1. Анализируя части графа по отдельности, необходимо отметить, что в части, связанной с P21C1, в основном присутствуют часто встречающиеся группы интерпретаций, что совпадает с таблицей частот групп интерпретаций.

Вторая часть, связанная с P9C1 и P8C1, на наш взгляд, более интересна. Например, на ней видно, что из последовательности интерпретаций P7C8-P4C8-P3C8-P6C8 следует P8C1, P9C1 и вместе P8C1 и P9C1, т.е. большинство отметивших P7C8-P4C8-P3C8-P6C8 выбрали P8C1 и P9C1. Данный граф дает представление о развитии логической цепочки, представление о закономерностях в понимании научного текста.

Применение ассоциативных правил к интерпретациям текста Л. Толстого показало отсутствие частотных

Рисунок 3

Выявленные ассоциативные правила для последовательностей интерпретаций параграфов исторического очерка Е. Тарле

групп интерпретаций (частота встречаемости самой распространенной группы из двух секвенций/параграфов была только 0.38). Анализ графа показал, что ассоциативные правила отражают только частотную тенденцию и на данном тексте не дают дополнительной информации.

Таким образом, использование ассоциативных правил для анализа логики интерпретаций позволяет утверждать, что согласованность в последовательностях интерпретаций научного текста выше, чем поэтического, несмотря на то что согласованность в интерпретациях отдельных секвенций выше в поэтическом. При этом прозаический художественный текст прочитывается индивидуально и несогласованно как в понимании отдельных секвенций/ параграфов, так и в логике интерпретаций в целом.

Анализ непонимания в процессе интерпретирования

При анализе интерпретаций всех изучаемых текстов кроме категорий, определяющих содержание (привнесенные читателями «смыслы»), также присутствовала категория «Непонимание», которая использовалась тогда, когда участники исследования не знали (не понимали), как лучше определить (осмыслить,

назвать) ту или иную часть интерпретируемого текста.

В разных текстах объем обращений к данной категории отличался (см. таблицу 5).

Согласно таблице, самым субъективно непонятым текстом для участников исследования стал текст Л. Толстого, самым понятным — текст М. Лермонтова. Если принять во внимание факт, что все читатели текстов разбирали и анализировали произведения о Бородинском сражении в рамках школьной программы (некоторые частично помнят стихотворение М. Лермонтова наизусть), а также факт, что все участники исследования находятся в процессе получения высшего образования (ориентированы на интеллектуальную деятельность), очевидно, что сложные художественные прозаические произведения не просто многозначны (тогда бы мы получили просто низкие показатели по согласованности), а именно не понятны даже для достаточно опытных читателей.

Размышления автора — «философские глубины» — или детализированные описания действий, или диалоги — оказываются вне поля понимания читателей, в результате чего создается некий ущербный образ прочитанного, но не понятого текста.

Таблица 5

Категория «Непонимание» в изучаемых текстах (К-критерий)

Тексты	Категория «Непонимание»
М. Лермонтова	0.05
Л. Толстого	0.40
Е. Тарле	0.18

Рассказать об истории: какая форма текста оптимальна?

Несмотря на то что мы не ставили специальной практической задачи описывать особенности интерпретации исторических текстов, написанных в разных жанрах, в исследовании обнаружилось результаты, достойные обсуждения. Как уже было описано выше, выяснилось, что наиболее согласованным и относительно последовательным в интерпретации является поэтический художественный текст, он же, согласно таблице 6, достаточно полно передает общие характеристики сражения.

Высокая согласованность в интерпретации секвенций/параграфов осуществляется, на наш взгляд, во многом за счет особой формы стихотворного текста: легче запоминаться, стихи оказываются некой «матрицей понимания», буквально — теми знаками и символами, посред-

ством которых в дальнейшем демонстрируется «понимание» в коммуникации. Выраженные категории о ходе битвы и войнах свидетельствуют, что данный текст воспринимается именно как текст о сражении.

Текст Е. Тарле оказался последовательным (логичным) в интерпретациях, но достаточно несогласованным и в целом не очень понятным для участников исследования (высокие значения категории 4, означающей отказ от понимания и интерпретации секвенции). Тем не менее, судя по доминирующим категориям, он прочитывается как текст о сражении (все ключевые категории, представляющие сражение, присутствуют достаточно равномерно, т.е. текст прочитывается и через сражение, и через характеристики воинов, и посредством понимания ужаса войны и т.п.).

Что же касается текста Л. Толстого, матрица интерпретаций не

Таблица 6

Значимость категорий, использованных для интерпретации текста (К-критерий)

Тексты	Категории							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Лермонтова	0.29	0.33	0.12	0.05	0.03	0.18	нет	
Толстого	0.11	0.10	0.06	0.40	0.01	0.05	0.27	0.03
Тарле	0.25	0.01	0.09	0.18	0.12	0.06	0.17	0.12

М. Лермонтов: 1 — Описание хода битвы, 2 — Характеристики воинов, 3 — Смерть и кровопролитие, 4 — «Непонимание», 5 — Победа, 6 — Память о битве.

Л. Толстой: 1 — Описание хода битвы, 2 — Характеристики воинов, 3 — Смерть и кровопролитие, 4 — «Непонимание», 5 — Патриотизм, 6 — Неразбериха и хаос, 7 — Пьер Безухов, 8 — Описание природы.

Е. Тарле: 1 — Описание хода битвы, 2 — Характеристики воинов, 3 — Смерть и кровопролитие, 4 — «Непонимание», 5 — Патриотизм, 6 — Психология войны, моральное состояние армий, 7 — Роль личности в битве, 8 — Характеристика русской армии.

только представила данный текст как самый непонятный для читателей (самый высокий коэффициент у категории непонимания), не только как самый непоследовательный в интерпретациях, но и зафиксировала в изучаемом тексте феномен «поглощения» исторического события — Бородинского сражения — личной историей (историей Пьера Безухова).

С одной стороны, система интерпретаций описания Бородинского сражения в тексте Л. Толстого была сложнее, чем, например, в тексте М. Лермонтова (не 6, а 8 категорий). С другой стороны для большинства читателей (в первую очередь, из старшей возрастной группы) данный текст оказался скорее текстом о герое, нежели текстом об исторической битве (это подтверждается подсчетом значимости категории «Пьер Безухов» в матрицах первокурсников и взрослых: 0.18 и 0.40 соответственно (общее значение — 0.27).

Таким образом, согласно полученным данным, ставка при изучении истории на научные тексты (типа исследуемого текста Е. Тарле) предполагает достаточную свободу в понимании и интерпретации событий со стороны читателей, обеспечивая при этом относительно предсказуемую логику в интерпретациях. Влияние на процесс интерпретирования исторических фактов в сторону большей согласованности возможно при использовании ярких поэтических произведений, посвященных изучаемым историческим событиям.

Выводы

Использование математических методов, адекватных «качественному

материалу», в герменевтическом анализе, согласно представляемому пилотному исследованию, не только снимает проблему противостояния качественного и количественного подходов в изучении психологической реальности, но позволяет более глубоко изучить исследуемую проблему или феномен. Так, герменевтический анализ интерпретации текстов (герменевтика понимания и интерпретации) с опорой на математические методы показал, что понимание текста личностью относительно уникально, степень согласованности понимания «культурных текстов» зависит не столько от обучения («образованности»), сколько от опыта коммуникации, определяющего степень интериоризации разделенных с Другими типизирующих схем (Шютц, 2003).

Благодаря рефлексии интерпретаций изучаемых текстов на основе математического анализа возможно утверждать, что поэтический текст прочитывается читателями более согласованно, а научный — более логичен в последовательности его интерпретаций. Был также идентифицирован и описан феномен поглощения исторических событий «личной историей» персонажа — героя событий — в том случае, если речь идет о чтении и понимании исторической художественной прозы.

Кроме того, результаты проведенного пилотного исследования подтвердили на материале герменевтического анализа целый ряд ранее известных и прежде более или менее математически обоснованных положений в социальных науках:

— экспертная группа для анализа текстов при проведении качественного

исследования должна обладать действительно экспертными знаниями; в том случае, если к экспертной работе привлечены «наивные эксперты», обязательным условием должна быть совместная работа и совместная интерпретация, позволяющая найти согласованное понимание интерпретируемого материала;

– согласованность в понимании текстов, событий, явлений даже у включенных в коммуникацию опытных «коммуникаторов» невелика, поэтому, убеждая индивида или группу (предлагая для интерпретации вербальный – текст – или невербальный стимулы), необходимо четко и кратко формулировать

вывод, готовое решение, в надежде, что данное решение или вывод будут избраны слушателями/интерпретаторами как ключевые (в противном случае не будет единства в понимании событий и явлений).

Полагаем, что герменевтика как методологическая матрица в российской психологии (самостоятельно или в интеграции с другими подходами) сможет заявить о себе не только в контексте практики психоанализа (психоаналитическая герменевтика), но также для изучения таких областей в психологии (ценностей, переживаний, идентичности и т.п.), где сугубо позитивистский подход очевидно недостаточен.

Литература

- Амельченко, М. Н. (2010). *Герменевтика трудового права России и Германии* (Автореферат кандидатской диссертации, СПбГУ, Санкт-Петербург).
- Башашкина, В. Ю. (2008). *Речевое развитие школьников на основе герменевтического подхода к тексту на уроках русского языка* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Московский государственный областной университет, Москва).
- Бетти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».
- Болдонова, И. С. (2009). *Герменевтика межличностной коммуникации* (Автореферат докторской диссертации, ГОУ ВПО Восточно-Сибирский государственный технологический университет, Улан-Удэ).
- Борисенкова, А. В. (2011). *Методология социального познания в трактовке Поля Рикера: критический анализ оснований теории нарративов* (Автореферат кандидатской диссертации, НИУ ВШЭ, Москва).
- Бусыгина, Н. П. (2009). Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях. *Культурно-историческая психология*, 1, 57–65.
- Васюк, А. В. (2011). *История возникновения и развития юридической герменевтики в России* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, Москва).
- Вольский, А. Л. (2008). *Поэтико-философский текст как объект филологической герменевтики* (Автореферат докторской диссертации, ГОУ ВПО Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург).
- Гадамер, Х. Г. (1988). *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс.

- Гребенев, А. М. (2011). *Поэтические тексты У.Х. Одена в контексте филологической герменевтики* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Санкт-Петербург).
- Гулевич, О. А. (2001). Социальные представления о преступлениях в межличностной и массовой коммуникации. *Вопросы психологии*, 4, 53–67.
- Гусельцева, М. С. (2003). Культурно-историческая психология: от классической к постнеклассической картине мира. *Вопросы психологии*, 1, 99–115.
- Дильтей, В. (1996). *Описательная психология*. СПб.: Алетейя.
- Дружинин, В. Н. (1997). *Экспериментальная психология*. М.: ИНФРА-М.
- Емельянова, Т. П. (2006). *Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества*. М.: Институт психологии РАН.
- Знаков, В. В. (1989а). Мышление, знание и понимание. *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*, 2, 6–16.
- Знаков, В. В. (1986). Основные направления исследования понимания в зарубежной психологии. *Вопросы психологии*, 3, 163–171.
- Знаков, В. В. (1990). Понимание асоциальными подростками ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства. *Вопросы психологии*, 1, 20–27.
- Знаков, В. В. (1989б). Понимание воинами-интернационалистами ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства. *Психологический журнал*, 4, 113–124.
- Знаков, В. В. (1991). Понимание как проблема психологии мышления. *Вопросы психологии*, 1, 18–26.
- Знаков, В. В. (2000). Понимание как проблема психологии человеческого бытия. *Психологический журнал*, 2(21), 7–15.
- Источникова, А. В. (2007). *Сравнительный анализ герменевтики М. Бахтина и М. Хайдеггера* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Мурманский государственный технический университет, Мурманск).
- Копылов, А. В. (2006). *Проблемы языкового посредничества в контексте философской герменевтики* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Мурманский государственный педагогический университет, Мурманск).
- Кузнецов, В. Г. (2002). *Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления: Герменевтика в России*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.
- Кун, Т. (1975). *Структура научных революций*. М.: Прогресс.
- Леонтьев, Д. А. (2005). Неклассический вектор современной психологии. *Постнеклассическая психология*, 1, 51–72.
- Леонтьев, Д. А. (2010). Перспективы неклассической психодиагностики. *Психологические исследования: электрон. науч. журн.*, 4(12). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
- Орлова, О. В. (2010). *Герменевтическое измерение языковой картины мира в контексте взаимодействия культур* (Автореферат докторской диссертации, ГОУ ВПО Государственная академия славянской культуры, Москва).
- Печенина, О. В. (2009). *Коммуникативные модели в герменевтике и психоанализе. Компаративное исследование* (Автореферат кандидатской диссертации, Санкт-Петербург).
- Порус, В. Н. (2011). Тождество «Я» — конфликт интерпретаций. *Культурно-историческая психология*, 3, 27–35.
- Радина, Н. К. (2009). Изучать субъектность: возможности качественного подхода. В кн. *Психология человека в современном мире* (Т. 4, с. 64–71). М.: Институт психологии РАН.
- Радина, Н. К., Павлычева, Т. Н. (2010). Рассказы о жизни как отражение психологических проблем выпускников сиротских учреждений. *Вопросы психологии*, 5, 41–50.

- Рикер, П. (2008). *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: КАНОН-Пресс-Центр; Кучково поле.
- Самохвалов, В. П. (2002). Психиатрическая герменевтика: обоснование направления. *Таврический журнал психиатрии*, 3(20), 4–11.
- Семенова, В. (2008). *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. М.: Добросвет.
- Сердюк, Н. В. (2010). *Педагогическая герменевтика в деятельности руководителя органов внутренних дел* (Автореферат докторской диссертации, Москва).
- Славская, А. Н. (2002). *Личность как субъект интерпретаций*. Дубна: Феникс+.
- Слесинский, Р. (2001). *Поиски в понимании: введение в философскую герменевтику*. Гатчина: СЦДБ.
- Соколов, П. В. (2012). *Проблема достоверности в библейской герменевтике второй половины XVI – начала XVIII вв.* (Автореферат кандидатской диссертации, НИУ ВШЭ, Москва).
- Сорокоумова, С. Н., Гапонова, С. А., Поршнев, А. В. (2010). *Статистические методы в психологических исследованиях*. Н. Новгород: НГСХА.
- Сретенская, С. В. (2012). *Феномен понимания в европейской и русской герменевтической мысли* (Автореферат кандидатской диссертации, Киров).
- Страусс, А., Корбин, Д. (2008). *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. М.: УРСС.
- Тихомиров, О. К., Знаков, В. В. (1987). Актуальные проблемы психологии понимания и создание «понимающих систем». *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*, 3, 17–26.
- Тодоров, Ц. (1998). *Теории символов*. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество.
- Улановский, А. М. (2006). Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии. *Вопросы психологии*, 3, 27–37.
- Улановский, А. М. (2009). Качественные исследования: подходы, стратегии, методы. *Психологический журнал*, 2(30), 18–28.
- Хабермас, Ю. (2007). *Техника и наука как «идеология»*. М.: Пракси.
- Хабермас, Ю. (2003). *Философский дискурс о модерне*. М.: Весь мир.
- Хайдеггер, М. (1993). *Работы и размышления разных лет*. М.: Гнозис.
- Шаев, Ю. М. (2009). *Смысл в герменевтике: опыт семиотического анализа*. (Автореферат кандидатской диссертации, Волгоград).
- Шлейермахер, Ф. (2004). *Герменевтика*. СПб.: Европейский дом.
- Шульга, Е. Н. (2002). *Когнитивная герменевтика*. М.: Институт философии РАН.
- Шютц, А. (2003). *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. М.: URSS.
- Agrawal, R., Imieliński, T., & Swami, A. (1993). Mining association rules between sets of items in large databases. In *ACM SIGMOD Record* (Vol. 22, pp. 207–216). Retrieved from <http://dl.acm.org/citation.cfm?id=170072>
- Carlson, R. D., & Hadjikhani, N. (June, 1992). *Hermeneutics in psychology: Crawling out from between a rock and a hard place*. Paper presented at the meeting of the American Psychological Society. San Diego, CA. Retrieved from <http://www.theartgalleryofknoxville.com/socialuse.htm>
- Heelan, P. A. (1998). After post-modernism: The scope of hermeneutics in natural science. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 29, 273–298. Retrieved from <https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/550878/Heelan%2098%20Scope%20of%20Herm%20Preprint.pdf?sequence=2>

- Landis, J. R., & Koch, G. G. (1977). The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*, 33(1), 159. doi:10.2307/2529310
- Oevermann, U. (1993). Die objektive Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage für die Analyse von Subjektivität. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik. In Th. Jung, S. Müller-Doohm (Hrsg.), *Wirklichkeit im Deutungsprozeß. Verstehen und Methoden in den Kulturwissenschaften* (s. 106–189). Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Radford, G. P. (1991). Hermeneutics: An intellectual tradition for communication studies. *Occasional Papers in Communication, Information, and Library Studies*, 1, 6–27.
- Randolph, J. J., Thanks, A., Bednarik, R., & Myller, N. (2005). *Free-marginal multirater kappa (multirater free): An alternative to fleiss fixed-marginal multirater kappa*. Joensuu Learning and Instruction Symposium. Retrieved from <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.59.8776&rep=rep1&type=pdf>
- Sim, J., & Wright, C. C. (2005). The Kappa statistic in reliability studies: use, interpretation, and sample size requirements. *Physical Therapy*, 85(3), 257–268.
- Sodre, O. (2004). Hermeneutical phenomenology contribution to social psychology. *Psicol. USP*, 3(15), 55–80.
- Titscher, S. (2003). Objective hermeneutics. In *Methods of text and discourse analysis* (pp. 198–212). London [u.a.]: Sage Publ. Reprint.

Psychology and Hermeneutics: Hermeneutic Analysis of Understanding Using Mathematical Schemes and Models

Nadezhda K. Radina

Professor, HSE

E-mail: nradina@hse.ru, rasv@yandex.ru;

Alexander V. Porshnev

Associate professor, HSE

E-mail: aporshnev@hse.ru

Address: 25/12, B. Pecherskya, N. Novgorod, Russian Federation, 603155

Abstract

The paper discusses hermeneutics and hermeneutic analysis in Russian social sciences, humanities and particularly psychology. Some regularities in understanding of texts uncovered by integrating methods of qualitative (hermeneutic analysis) and quantitative analysis (mathematical processing of categorical data) are described. When analysing results of the empirical study, understanding was defined as “layering of meanings” (M. Heidegger) and as a structure of communication that determines intersubjective significance of cognition (J. Habermas). Fiction poetry, fiction prose and non-fiction historic texts about the battle of Borodino were segmented and categorised by a group of readers based on their individual understanding. Then a group of experts classified categories identified. Finally, the texts were re-coded; for each text category an interpretation matrix was reconstructed. Cohen’s kappa coefficient was used to measure inter-rater agreement. Association rules were used to search for interpretation sequences. Hermeneutic analysis of text interpretation using mathematical methods has demonstrated relative uniqueness

of the understanding of texts. The degree of agreement in understanding of “cultural texts” depended on communication experience rather than education level. Analysis of interpretations using mathematical methods has shown that poetic texts were being interpreted in a more coherent manner and that the sequence of interpretations was more logical for scientific texts. A phenomenon of absorption of historical events by personal history of the protagonist was described and identified when readers were to understand and interpret a historic fiction piece.

The authors believe that complex hermeneutic analysis employing qualitative and quantitative methods alike could be very useful in the research of personal identity, values and experiences.

Keywords: hermeneutics, hermeneutic analysis, interpretation, kappa coefficient, association rules.

References

- Agrawal, R., Imieliński, T., & Swami, A. (1993). Mining association rules between sets of items in large databases. In *ACM SIGMOD Record* (Vol. 22, pp. 207–216). Retrieved from <http://dl.acm.org/citation.cfm?id=170072>
- Amelchenko, M. N. (2010). *Germenetika trudovogo prava Rossii i Germanii* [Hermeneutics of labour law in Russia and Germany] (Extended abstract of PhD dissertation). Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
- Bashashkina, V. Yu. (2008). *Rechevoe razvitie shkol'nikov na osnove germeneticheskogo podkhoda k tekstu na urokakh russkogo yazyka* [Speech development in school children on the basis of hermeneutic approach in Russian language lessons] (Extended abstract of PhD dissertation). Moscow Region State University, Moscow.
- Betti, E. (2011). *Germenetika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe* [Hermeneutics as the general methodology of the Geisteswissenschaften]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”. (Transl. of: Betti, E. (1962). *Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften*. Tübingen: Mohr (in German)).
- Boldonova, I. S. (2009). *Germenetika mezhlchnostnoi kommunikatsii* [Hermeneutics of interpersonal communication] (Extended abstract of doctoral dissertation). East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude.
- Borisenkova, A. V. (2011). *Metodologiya sotsial'nogo poznaniya v traktovke Polya Rikera: kriticheskii analiz osnovanii teorii narrativov* [Methodology of social cognition by Paul Ricoeur: Critical analysis of the basics of narrative theory] (Extended abstract of PhD dissertation). HSE, Moscow.
- Busygina, N. P. (2009). Phenomenological and hermeneutic approaches in qualitative psychological research. *Cultural-Historical Psychology*, 1, 57–65.
- Carlson, R. D., & Hadjikhani, N. (June, 1992). *Hermeneutics in psychology: Crawling out from between a rock and a hard place*. Paper presented at the meeting of the American Psychological Society. San Diego, CA. Retrieved from <http://www.theartgalleryofknoxville.com/socialuse.htm>
- Dilthey, W. (1996). *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Saint Petersburg: Aleteiya. (Transl. of: Dilthey, W. (1894). *Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Juni–December, 1309–1407* (in German)).
- Druzhinin, V. N. (1997). *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]. Moscow: INFRA-M.
- Emelyanova, T. P. (2006). *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossijskogo obshchestva* [Construction of social representations in the transformation of Russian society]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.

- Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenевtiki* [Truth and method. The basic characteristics of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress. (Transl. of: Hadamer, H.-G. (1960). *Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*, Tübingen: Mohr (in German)).
- Grebenev, A. M. (2011). *Poeticheskie teksty U.Kh. Odena v kontekste filologicheskoi germenевtiki* [Poetic texts of W.H. Auden in the context of philological hermeneutics] (Extended abstract of PhD dissertation). Saint Petersburg State University of Economics and Finance, Saint Petersburg.
- Gulevich, O. A. (2001). Social perceptions of crime in interpersonal communication and mass media. *Voprosy Psikhologii*, 4, 53–67.
- Guseltseva, M. S. (2003). Cultural historical psychology: From the classical to a post-non-classical image of the world. *Voprosy Psikhologii*, 1, 99–115.
- Habermas, J. (2003). *Filosofskii diskurs o moderne* [The philosophical discourse of modernity]. Moscow: Ves' mir. (Transl. of: Habermas, J. (1985). *Der philosophische Diskurs der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag (in German)).
- Habermas, J. (2007). *Tekhnika i nauka kak <ideologiya>* [Technology and science as ideology]. Moscow: Praksi. (Transl. of: Habermas, J. (1968). *Technik und Wissenschaft als "Ideologie"*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag (in German)).
- Heelan, P. A. (1998). After post-modernism: The scope of hermeneutics in natural science. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 29, 273–298. Retrieved from <https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/550878/Heelan%2098%20Scope%20of%20Herm%20Preprint.pdf?sequence=2>
- Heidegger, M. (1993). *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and thoughts from different years]. Moscow: Gnozis.
- Istochnikova, A. V. (2007). *Sravnitel'nyi analiz germenевtiki M. Bakhtina i M. Khaideggera* [Comparative analysis of hermeneutics of M. Bakhtin and M. Heidegger] (Extended abstract of PhD dissertation). Murmansk State Technical University, Murmansk.
- Kopylov, A. V. (2006). *Problemy yazykovogo posrednichestva v kontekste filosofskoi germenевtiki* [Problems of linguistic mediation in the context of philosophical hermeneutics] (Extended abstract of PhD dissertation). Murmansk State Pedagogical University, Murmansk.
- Kuhn, Th. (1975). *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress. (Transl. of: Kuhn, Th. S. (1962). *The structure of scientific revolutions*. Chicago: University of Chicago Press).
- Kuznetsov, V. G. (2002). *Germenевtika i ee put' ot konkretnoi metodiki do filosofskogo napravleniya: Germenевtika v Rossii* [Hermeneutics and its route from being a specific method to becoming a philosophical direction: Hermeneutics in Russia]. Voronezh: Voronezh State University.
- Landis, J. R., & Koch, G. G. (1977). The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*, 33(1), 159. doi:10.2307/2529310
- Leontiev, D. A. (2005). Neklassicheskii vektor sovremennoi psikhologii [Non-classical vector of modern psychology]. *Postneklassicheskaya Psikhologiya*, 1, 51–72.
- Leontiev, D. A. (2010). Perspectives of non-classical psychodiagnostics. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 4(12). Retrieved from <http://psystudy.ru>
- Overmann, U. (1993). Die objektive Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage für die Analyse von Subjektivität. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik. In Th. Jung, S. Müller-Doohm (Hrsg.), *Wirklichkeit im Deutungsprozeß. Verstehen und Methoden in den Kulturwissenschaften* (s. 106–189). Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

- Orlova, O. V. (2010). *Germenevicheskoe izmerenie yazykovoi kartiny mira v kontekste vzaimodeistviya kul'tur* [Hermeneutic dimension of linguistic landscape of the world in the context of culture interaction] (Extended abstract of doctoral dissertation). State Academy of Slavic Culture, Moscow.
- Pechenina, O. V. (2009). *Kommunikatsionnye modeli v germenevtike i psikhoanalize. Komparativnoe issledovanie* [Communication models in hermeneutics and psychoanalysis. A comparative study] (Extended abstract of PhD dissertation). Saint Petersburg.
- Porus, V. N. (2011). Identity of the Ego: conflicting interpretations. *Cultural-Historical Psychology*, 3, 27–35.
- Radford, G. P. (1991). Hermeneutics: An intellectual tradition for communication studies. *Occasional Papers in Communication, Information, and Library Studies*, 1, 6–27.
- Radina, N. K. (2009). Izuchat' sub'ektnost': vozmozhnosti kachestvennogo podkhoda [Studying subjectivity: Qualitative approach]. In *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Psychology of a man in contemporary world] (Vol. 4, pp. 64–71). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Radina, N. K., & Pavlycheva, T. N. (2010). Life stories as reflection of psychological problems of graduates of orphanage schools. *Voprosy Psikhologii*, 5, 41–50.
- Randolph, J. J., Thanks, A., Bednarik, R., & Myller, N. (2005). *Free-marginal multirater kappa (multirater free): An alternative to fleiss fixed-marginal multirater kappa*. Joensuu Learning and Instruction Symposium. Retrieved from <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.59.8776&rep=rep1&type=pdf>
- Ricœur, P. (2008). *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike* [Interpretation conflict. Essays on hermeneutics]. Moscow: KANON-Press-Tsentr; Kuchkovo Pole. (Transl. of: Ricœur, P. (1969). *Le conflit des interprétations: essais d'herméneutique*. Paris: Éditions du Seuil (in French)).
- Samokhvalov, V. P. (2002). Psikiatricheskaya germenevtika: obosnovanie napravleniya [Psychiatric hermeneutics: area justification]. *Tavrisheskii zhurnal psikiatrii*, 3(20), 4–11.
- Schleiermacher, F. (2004). *Germenevtika* [Hermeneutics]. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom. (Transl. of: Schleiermacher, F. D. E. (1977). *Hermeneutik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag (in German)).
- Schütz, A. (2003). *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [Semantic structure of everyday world: Essays on phenomenological sociology]. Moscow: URSS.
- Semenova, V. (2008). *Kachestvennyye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative methods: Introduction to humanistic sociology]. Moscow: Dobrosvet.
- Serdyuk, N. V. (2010). *Pedagogicheskaya germenevtika v deyatelnosti rukovoditelya organov vnutrennikh del* [Pedagogical hermeneutics in the activity of the Head of Internal Affairs] (Extended abstract of doctoral dissertation). Moscow.
- Shaev, Yu. M. (2009). *Smysl v germenevtike: opyt semioticheskogo analiza* [Meaning in hermeneutics: experience of semiotic analysis] (Extended abstract of PhD dissertation). Volgograd.
- Shulga, E. N. (2002). *Kognitivnaya germenevtika* [Cognitive hermeneutics]. Moscow: Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences.
- Sim, J., & Wright, C. C. (2005). The Kappa statistic in reliability studies: use, interpretation, and sample size requirements. *Physical Therapy*, 85(3), 257–268.
- Slavskaya, A. N. (2002). *Lichnost' kak sub'ekt interpretatsii* [Personality as a subject of interpretation]. Dubna: Feniks+.
- Slesinskii, R. (2001). *Poiski v ponimanii: vvedenie v filosofskuyu germenevtiku* [Search in meaning: Introduction to philosophical hermeneutics]. Gatchina: STsDB.
- Sodre, O. (2004). Hermeneutical phenomenology contribution to social psychology. *Psicol. USP*, 3(15), 55–80.

- Sokolov, P. V. (2012). *Problema dostovernosti v bibleiskoi germenevtike vtoroi poloviny XVI – nachala XVIII vv* [The problem of confidence in the biblical hermeneutics of the second half of the 16th – beginning of 18th century] (Extended abstract of PhD dissertation). HSE, Moscow.
- Sorokoumova, S. N., Gaponova, S. A., & Porshnev, A. V. (2010). *Statisticheskie metody v psikhologicheskikh issledovaniyakh* [Statistical methods in psychological research]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Agriculture Academy.
- Sretenskaya, S. V. (2012). *Fenomen ponimaniya v evropeiskoi i russkoi germenevticheskoi mysli* [Phenomenon of understanding in European and Russian hermeneutics] (Extended abstract of PhD dissertation). Kirov.
- Strauss, A., & Corbin, J. (2008). *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques]. Moscow: URSS. (Transl. of: Strauss, A. L., & Corbin, J. M. (1990). *Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques*. Newbury Park, CA: Sage Publications).
- Tikhomirov, O. K., & Znakov, V. V. (1987). Aktual'nye problemy psikhologii ponimaniya i sozdanie "ponimayushchikh system" [Topical issues in psychology of understanding and development of "understanding systems"]. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 3, 17–26.
- Titscher, S. (2003). Objective hermeneutics. In *Methods of text and discourse analysis* (pp. 198–212). London [u.a.]: Sage Publ. Reprint.
- Todorov, T. (1998). *Teorii simvolov* [Theories of symbols]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. (Transl. of: Todorov, T. (1977). *Théories du symbole*. Paris: Seuil (in French)).
- Ulanovsky, A. M. (2006). Qualitative methodology and the constructivist paradigm in psychology. *Voprosy Psikhologii*, 3, 27–37.
- Ulanovsky, A. M. (2009). Qualitative researches: Approaches, strategies, methods. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2(30), 18–28.
- Vasyuk, A. V. (2011). *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya yuridicheskoi germenevtiki v Rossii* [History and development of legal hermeneutics] (Extended abstract of PhD dissertation). The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice, Moscow.
- Volski, A. V. (2008). *Poetiko-filosofskii tekst kak ob"ekt filologicheskoi germenevtiki* [Poetic philosophical text as an object of philological hermeneutics]. Extended abstract of doctoral dissertation. Saint Petersburg. Herzen State Pedagogical University of Russia
- Znakov, V. V. (1986). Osnovnye napravleniya issledovaniya ponimaniya v zarubezhnoi psikhologii [The main areas of research in psychology of understanding]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 163–171.
- Znakov, V. V. (1989b). Ponimanie voinami-internatsionalistami situatsii nasiliya i unizheniya chelovecheskogo dostoinstva [Understanding of violence and humiliation by international volunteer combatants]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 4, 113–124.
- Znakov, V. V. (1989a). Myshlenie, znanie i ponimanie [Thinking, knowledge and understanding]. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 2, 6–16.
- Znakov, V. V. (1990). Ponimanie asotsial'nymi podrostkami situatsii nasiliya i unizheniya chelovecheskogo dostoinstva [Understanding of violence and humiliation by antisocial teenagers]. *Voprosy Psikhologii*, 1, 20–27.
- Znakov, V. V. (1991). Ponimanie kak problema psikhologii myshleniya [Understanding as a problem of psychology of thinking]. *Voprosy Psikhologii*, 1, 18–26.
- Znakov, V. V. (2000). Understanding as a problem of psychology of a man being in the world. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2(21), 7–15.